

A movie poster for the film 'The Russian'. The background is a dark, moody landscape with a large, full moon in the upper left. In the center, a silhouette of a castle with multiple spires is visible against a lighter, hazy sky. In the foreground, a man and a woman are shown from the chest up. The man, on the left, has short brown hair and is wearing a dark green, double-breasted coat with gold buttons. He is looking slightly to the right with a serious expression. The woman, on the right, has long dark hair styled in a braid and is wearing a green dress with a high collar and gold embroidery. She is looking towards the camera with a slight smile. The overall color palette is dominated by greens and dark tones, creating a mysterious and historical atmosphere.

Александр Егоров

Россиены

Александр Егоров

Россиены

«Автор»

2026

Егоров А.

Россиены / А. Егоров — «Автор», 2026

Где проходит граница между реальностью и иллюзией? На пороге великой войны, когда рушатся империи, молодой офицер оказывается лицом к лицу с тайной, которая древнее и сильнее любых геополитических катастроф. Старинный замок, затерянный во времени, окутывает его зыбким, чарующим наваждением, но оставляет после себя лишь пепел и гнетущую пустоту. Реальный мир требует от него твердости, исполнения долга и соблюдения кодекса чести, но его помыслы навсегда остались там — за чертой, разделяющей живых и мертвых. Атмосферная драма о фатальном несовпадении человеческой судьбы с ходом времени, где мистическое наваждение неумолимо ведет героя к финальному барьеру.

© Егоров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Маховик фатума	5
Часть 2. Письмо в Ярославль	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Егоров Россиены

Глава 1. Маховик фатума

Трагические события не обрушиваются на человечество внезапно. Они подкрадываются незаметно, прячась в мелких деталях, случайных совпадениях и несказанных вовремя словах. Летом 1914 года мир казался прочным и вечным, как гранитные набережные Петрограда. Люди пили кофе на открытых верандах, читали утренние газеты, влюблялись, строили планы на осень. Никто не знал, что невидимые часы уже запущены и обратный отсчет начался. Мировая катастрофа, готовая унести миллионы жизней, поначалу выглядела лишь цепочкой далеких, почти карикатурных событий в душном, затерянном на Балканах городке.

В июне в Сараеве гимназист Гаврила Принцип дважды нажал на спусковой крючок. Два звука, похожих на лопнувшие струны, оборвали жизни австрийского эрцгерцога и его жены. Мир вздрогнул, но ещё до конца не осознавал возможные последствия. Обывателю казалось, что это лишь очередная далекая драма, которая утихнет сама собой. Однако невидимый маховик фатума уже сделал свой первый, необратимый оборот. Шестеренки гигантской военной машины, смазанные вековой людской гордыней и старыми обидами, начали цепляться друг за друга, увлекая за собой целые народы.

Ультиматумы, которые Вена предъявляла Белграду в июле, были похожи на ритуал, где финал известен заранее. Сербия смирялась, шла на уступки, умоляла о мире, но лавина уже сорвалась с кручи. Словно в кошмарном сне, где ты кричишь, но тебя никто не слышит, европейские столицы одна за другой начали объявлять мобилизацию. Сначала частично, робко, словно проверяя прочность бытия. Затем — наотмашь, захлебываясь паникой и патриотическим восторгом.

К концу июля безумие стало абсолютным. Правители писали друг другу телеграммы, послы толпились в кабинетах министров, передавая ноты об объявлении войны, а по всей Европе уже слышался отчетливый печатный звук армейских сапог. Мир, каким его знали, рассыпался в прах под грохот первых австрийских снарядов, падающих на Белград. Германия объявляла войну России, Франция поднимала по тревоге свои дивизии, Бельгия закрывала границы.

Человечество, ослепленное собственной гордостью, добровольно шагнуло в сумерки Великой войны. А где-то посреди этой глобальной катастрофы, растерянно моргая от вокзальной копоты, стояли вчерашние мальчишки, которым суждено было стать первыми щепками в этом мировом пожаре.

Война — это не только геополитические сдвиги, движение фронтов и грохот пушек. Это, прежде всего, грандиозное насилие над временем. Она бесцеремонно врывается в личное пространство человека, обрывая неоконченные разговоры, отменяя назначенные свидания и превращая бережно выстроенное будущее в призрачный дым. Миллионы невидимых нитей, связывавших людей с их прошлым, в августе четырнадцатого года были перерезаны одним взмахом штабного пера. Огромная государственная машина требовала живой силы, безжалостно вычеркивая из человеческого бытия понятия «хочу», «мечтаю» или «успею».

Самым страшным свойством этой надвигающейся бури была её будничность. Насилие истории рядилось в сухие канцелярские формулировки, в приказы о назначениях и бездушные списки вакансий. Человеческая жизнь — со всеми её надеждами, первой любовью, нежными письмами к матери — внезапно взвешивалась на весах слепой фортуны. Жребий. Короткое, страшное слово, за которым скрывалась лотерея со смертью. Маленький бумажный клочок,

вытянутый дрожащей рукой юнкера на экзаменационном столе, решал всё: останется ли он в относительно безопасном тылу или отправится в сырые окопы приграничья, откуда почти никто не возвращается.

В те знойные дни природа словно глумилась над застывшим в ужасе человечеством. На исходе своего золотого века Европа задыхалась от неестественного, удушливого великолепия: август выдался неправдоподобно солнечным, избыточно щедрым на тепло и свет. Сады ломились от спелых плодов, а небо над бескрайними пространствами России стояло пронзительно-синим, зеркальным, без единого облака — безразличное к той кровавой бане, которую готовили себе люди. Этот гнетущий контраст между вечным торжеством земли и сиюминутным безумием человека лишь подчеркивал неотвратимость грядущей катастрофы.

Пока в тишине полей зрел урожай, который некому будет убирать, на привокзальных площадях империи закипал чудовищный, многоликий людской водоворот. Железнодорожные узлы превратились в гигантские артерии, качающие живую силу к границам. В душном воздухе перронов стоял тяжелый, вечный запах войны: густой дух раскаленного на солнце железа, паровозной гари, дегтярной смазки, дешевой махорки и нового, едва сошедшего с интендантских складов жесткого сукна офицерских шинелей. Из-за объявленного государем в одночасье сухого закона в этих многотысячных толпах не было привычного для русских бунтов и сборов разудалого хмельного шума. Отрезвленная указом толпа глухо и грозно роптала. Этот монотонный мужской гул, похожий на приближение тектонического сдвига, то и дело перекрывался отчаянным, рвущим душу бабьим плачем и детским криком.

Уходящие на запад эшелоны были до отказа забиты вчерашними мальчишками — недавними студентами, крестьянскими парнями и юнкерами. Оглушенные медно-ликующими маршами полковых оркестров, которые тщетно пытались заглушить женские рыдания, они гроздьями висли на подножках, махали из окон фуражками и беззаботно смеялись. В их юных головах, воспитанных на рассказах о былых парадах, война рисовалась скорым и победоносным заграничным турне. Они искренне верили, что к рождественским праздникам, овеянные легкой славой и украшенные крестами, триумфально вернутся в родные дома. Это поколение обреченных ехало навстречу своей гибели как на веселое, пьянящее приключение. Ни один из них еще не ведал ужаса позиционного тупика, не знал запаха иприта и не видел, как целые полки заживо гниют в раскисшей глине. Они не подозревали, что старый, уютный мир девятнадцатого века уже умер под колесами их состава, и обратной дороги из этого ада для них не существовало.

История больше не принадлежала людям. Она превратилась в самостоятельное, равнодушное божество, которое питалось юностью. И в этой зловещей круговерти, где рушились империи, подпоручик Андрей Свиридов был лишь едва заметной песчинкой, которую ураган рока уже подхватил и нес навстречу его собственной, непостижимой судьбе.

Часть 2. Письмо в Ярославль

Новенькое офицерское сукно сидело на нем безупречно, но Андрей Свиридов все еще чувствовал себя в нем скованно, словно в чужом, наспех подогнанном карнавальном костюме. В свои двадцать лет подпоручик сохранил ту мягкую, чисто петербургскую интеллигентную внешность, которую не смогли до конца вытравить даже суровые училищные будни. Из-под козырька фуражки выбивались непослушные русые вихри, а на бледном, худощавом лице особенно выделялись большие, синие, по-детски открытые глаза. В них сквозила мечтательность, свойственная юношам, выросшим на поэзии и тихих домашних вечерах. Его тонкие пальцы, привыкшие к фортепианным клавишам и карандашам, теперь слегка подрагивали от непривычной, суровой тяжести новеньких портупейных ремней и казенной сабли, давившей на бедро. В его облике было слишком много юности и слишком мало войны.

Он сидел, примостившись на самом краю длинного стола в классной комнате, где еще пахло мелом и торопливо водил пером по сероватой почтовой бумаге. Вокруг царил непривычный, пугающий своим хаосом, гулкий беспорядок досрочного, спешного выпуска. Старое училищное здание на Большой Гребецкой, еще вчера жившее по незыблемому, вбитому годами уставному расписанию, стремительно пустело. Огромные юнкерские казармы обнажили серые казенные кровати со свернутыми матрасами, тяжелые дубовые сундуки были заперты и опечатаны сургучом, а в пустых полутемных коридорах далеко разносилось эхо шагов суетящихся каптенармусов и ротных фельдфебелей. Стены, помнившие поколения строгих наставников, теперь отражали лишь нервный офицерский смех и стук кованых сапог. За высокими окнами, в удушливом августовском мареве, уже перекликались конные вестовые и грохотали казенные ломовые телеги, готовые везти молодых офицеров на станцию Варшавской железной дороги.

Андрею во что бы то ни стало хотелось успеть бросить этот запечатанный конверт в училищный почтовый ящик до вечерней выемки. Ему было важно, чтобы там, в далеком Ярославле, знали, что его тихая, мирная юность навсегда закончилась здесь, в этих гулких стенах, а сыновняя любовь и преданность остались прежними.

«Дорогая моя матушка Мария Васильевна!

Низкий поклон шлет Вам ваш сын Андрей. Поздравьте меня, маменька, с производством в офицеры! Выпускные экзамены во Владимирском военном училище я выдержал на отлично, профессора хвалили, и ежели бы не сии грозные обстоятельства, то мог бы рассчитывать на лучшее распределение. Но ныне все решилось в один миг.

Нам бросили жребий, кому куда ехать. Вакансий во внутренней России, в тихих губерниях, почитай, вовсе не осталось. В Петроград определили всего двадцать восемь человек, в Казань — столько же, в глубокий Иркутск и того меньше — пять мест. Мне же с моими товарищами (всего сто две души из нашего выпуска) достался жребий тяжелый — ехать на Северо-западный фронт. Пока в Ковенскую губернию, а о дальнейшем не ведаю. Хорошо ли это, или нет — бог весть, пока неизвестно.

Перед самым производством я так мечтал, маменька, что перед отправкой к месту служения нам дадут хотя бы несколько свободных дней, ну хотя бы дней шесть! Я бы на крыльях прилетел домой, чтобы обнять Вас, повидаться со всеми нашими. Но, видно, не судьба. Время суровое, военное. Нам выделили всего три дня на сборы, а за этот срок я физически не успел бы возвратиться в Петроград. Душа моя изнывает от этой разлуки, но долг призывает немедля.

Кланяюсь сестрицам моим, Лидочке и Вареньке, пусть не забывают брата и молятся о моем здравии. Дяде Николаю Петровичу и тетушке Анне передайте мой привет, скажите дяде, что сапоги, его наставлением купленные, весьма добры. Бабушке Настасье Ивановне низко кланяюсь в ноги, прошу ее святого благословения — крестик ее, что она мне в дорогу дала,

всегда при мне, у самого сердца. Дедушке, коли здоровье его позволяет, передайте, что внук его присягу принял честно и чести фамилии нашей не уронит.

И еще, маменька... бесценной Сонечке моей, невесте моей нареченной, передайте слова мои самые нежные. Скажите ей, что портрет ее, в медальоне хранящийся, согревает меня в этой сутолоке. Пусть ждет меня, пусть верит — война сия долго не продлится, разобьем германца, и к зиме, даст Бог, сыграем нашу свадьбу, как и задумывали. Сердце мое все целиком в Ярославле остаётся.

Всё последнее время бегал по лавкам да магазинам, голова кругом идет, совершенно не знаю, что именно взять с собой, что в окопах нужнее всего. Относительно вещей, не нужных мне, я уже сделал распоряжение отослать их Вам посылкою. Недавно мы снялись с друзьями по училищу, карточку эту памятную Вам вышлют почтой прямо из фотоателье.

Прошу Вас, родная моя матушка, не плачьте обо мне, не надрывайте сердца, а лучше пожелайте мне доброго пути. Со своей стороны, желаю Вам и всему дому нашему много счастья и тишины. Господь нас не оставит.

Засим до свидания. Крепко-крепко целую и обнимаю всех.

Ваш преданный сын подпоручик Андрей Свиридов.

2 августа 1914 г.

Владимирское военное училище».

Андрей размашисто поставил точку, аккуратно промокнул чернила листом старой промокашки и только успел сложить бумагу треугольником, как тяжелая дубовая дверь классной комнаты с грохотом распахнулась. В проеме показался его сокурсник по первой роте, взмыленный, с фуражкой набекрень и сбившимся набок темляком прапорщик Костя Инютин.

— Свиридов, ты еще здесь пером скрипишь?! — тяжело дыша, крикнул Инютин, вытирая рукавом пот со лба. — Бросай всё, пошли скорее! Тебя полковник вызывает в канцелярию батальона. Наше ротное начальство рвет и мечет, там бумаги на отправку из штаба округа привезли. Сам командир роты предписания вручает! Живее, эшелон подкатывают к путям, через час построение на плацу для прощания со знаменем!

Андрей поспешно сунул письмо в карман кителя, подхватил с лавки кожаный планшет и, на ходу поправляя портупею, бросился вслед за товарищем по гулкому коридору, навстречу своей новой, фронтовой судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.